

УДК 821.161.1; 82-01

**А. А. ДЫРДИН\***

## **ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ В. РАСПУТИНА**

Своей эстетикой Распутин утверждает подвижнический опыт свободы духа в вере, в любви к людям, к родной земле. В обращении к народному характеру как исходной точке художественной характерологии выразилась принадлежность писателя к большому стилю, явленному в духовно наполненном слове. Распутин вписывает идею самобытности в контекст идеи симфонического единства отечественной литературы с мировой культурой, её открытости перед большим миром.

*Ключевые слова:* В. Г. Распутин, национальная самобытность, народная эстетика, традиция, евангельская этика.

«В период слома национальной цивилизации, в условиях размытости методологических и теоретических границ литературоведения на помощь исследователям, так было всегда, приходят крупные художники, в своём творчестве аккумулирующие и конденсирующие дыхание эпохи» [4, 43]. Это суждение в полной мере можно отнести к наследию В. Г. Распутина. Автор «Последнего срока» и «Прощания с Матёрой» — среди тех немногочисленных писателей второй половины XX века, которые воздействовали на современный литературный процесс, напоминая его участникам о всечеловечности русской литературы, о её духовных началах.

Эстетика, находящая животворящий смысл в народном бытии, в сфере национального духа, оказала заметное влияние на В. Распутина. В своём творчестве он утверждает зависимость человеческих характеров от сущностных свойств вещей и явлений. Основой произведений крупнейшего русского писателя нашего времени стали традиционные этические ценности, которые воплощаются как в реальном, так и в метафизическом пространстве национального самосознания.

Распутин вошёл в литературу с прирождённым чувством сопричастности людям и миру, создав ряд глубоко трагичных и одновременно светлых повестей и рассказов. В его художественном задании многое, если не всё,

---

\* Александр Александрович Дырдин — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Филология, издательское дело и редактирование» гуманитарного факультета Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск, Российская Федерация); dyrd@mail.ru

определено многовековыми духовно-культурными накоплениями народа. Его творческие принципы вырабатывались в русле русской классики, соединившей сугубо эстетическое начало с метафизикой национального бытия. Говоря в книге «Валентин Распутин» о художественной родословной писателя, С. Г. Семёнова акцентирует его связь с заветами отечественной образной мысли: «<...> всегда открыта перед ним (В. Распутиным. — А. Д.) великая книга фольклорной мудрости, неточного народного языка; от великих учителей в нём и толстовская диалектика души, и духовная напряжённость Достоевского, бунины пластическое богатство и филигранность в передаче форм, красок, звуков действительности, душевная пронзительность Платонова, шолоховская смелость брать народные характеры на трагическом разломе их судьбы...» [8, 174].

Речь идёт о произведениях с особыми идейно-нравственными задачами. В них явлен характерный для национальной литературы художественный метод решения мировоззренческих проблем, раскрывающий мир личной жизни человека через чувство всеединства, традиционные нравственные ценности, метафизику народно-религиозных начал. Данное свойство — не исключительная особенность русской литературы. Однако только в ней оно теснейшим образом связано с выходом за пределы «здесьнего» мира, с духовным падением и возрастанием человека, а в идеале — с его *преображением*, которое является важнейшей идеей русского православия, национальной философии и художественной мысли.

В прозе Распутина народный характер начинает складываться с малого. Он непредставим без мелочей крестьянского обихода и вне природного окружения. Мир сельского жителя у Распутина всегда разомкнут, помещён в метафизическое пространство Руси–России. Раздумывая о духовном складе нашего народа, Распутин выделяет «русскость в широком смысле»: «<...> это не набор и не ассортимент качеств, свойственных русскому человеку, а духовная качественность» [6, 348].

Основное в литературной позиции писателя, следующего идеалам *правды* и *жизнелюбия*, — склонность захватывать бытие людей в национально-конкретном проявлении «чувства родства не только с тварным существом, но и с последней песчинкой и былинкой...» [6, 489]. Таков образно-философский пафос самых ярких произведений Распутина: трёх шедевров 1970-х годов («Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой»), рассказов «Век живи — век люби», «В ту же землю», «Изба», «Тётка Улита», публицистических книг и статей, о которых верно сказал В. Курбатов, что они «обнаружили не просто глубокое знание предмета, но и деятельно-практический интерес: он (Распутин. — А. Д.) искал в минувшем опыте народно-необходимые, духовно-существенные черты» [2, 17].

Сопереживание народной судьбе и забота о родном слове побуждают Распутина внимать «блестинкам» национального стиля: тем страницам церковно-славянской письменности, «на которых старые шрифты, толкующие старые религиозные уставы, стояли рядом с тайнописью и знаками, писанными не рассудком, а порывом. Как человек, испытывающий беспокойство перед озарением, нетерпеливо и слепо подталкивает себя к вспышке — таковы и эти знаки, какими вперемежку с последовательным развитием сюжета творилась на протяжении двух веков красивая и грустная повесть о Беловодье» [6, 161].

Центральные герои Распутина — натуры незаурядные. Писателя привлекают характеры цельные, редкие, такие, в которых заложен инстинкт народного самосохранения. Им созданы образы хранителей духовно-национального взгляда на мир, проникающего в тайну жизни и смерти. Эти образы самобытны в своей первооснове. Каждый из центральных персонажей Распутина несёт в себе свет народной веры, тесно связанной с православной духовностью.

Характерологическая стратегия Распутина основана на евангельской ситуации разрушения отчего дома, нарушения непреложных законов нравственности, разрыва той символической связи, что названа в повести «Живи и помни» (1974) пуповиной, скрепляющей с семьёй и родиной. В притче о заблудшей овце (Мф. 18, 10–14; Лк. 15, 3–7), как и в первой части притчи о блудном сыне (Лк. 15, 11–16), соответствующей в её композиционной фазе ухода или отпадения, говорится об опасности, которой подвергает себя человек, отрывающийся от семьи, общего берега, исторической жизни и судьбы своего «рода-племени». У Распутина характеристика душевных свойств героев во многом совпадает с семантикой библейских эпизодов. Они переосмыслены писателем, предстают в фольклорном обрамлении. Своим содержанием притчевое слово всегда адресовано читателю. Сопрягается смысл поступка в произведениях Распутина («Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Пожар», рассказ «В ту же землю») и с другим христианским мотивом — поучением из ветхозаветной притчи, в основе которого лежит мысль о неотвратимом наказании грешника и самой сути греха — отречения от любви, любви к человеку, природе, родной земле, неизменно бывшей, по слову Распутина, былинным источником, «с той самой волшебной живой водой, при возвращении человека в образ, дух и смысл свой, в своё неизменное назначение».

В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) Распутин, сохраняя приверженность нравоописательному жанру, создал едва ли на самое душевно-ранящее, пронзительное своё произведение. Уже ставший для него привычным сюжет *преступления и наказания* на этот раз перерос в нечто большее — в социальную драму. Над дочерью героини безжалостно надругались, и мать, не найдя справедливости и сочувствия у своекорыстных служителей закона, убивает насильника. Писатель видит, как усиливается разобщённость между людьми, оторванными от своих исконных корней. «Вот нравственный, духовный эпицентр повести В. Распутина, — утверждает А. И. Ванюков, — поиск и утверждение *истины* национального бытия» [1, 62].

Своей эстетикой Распутин утверждает подвижнический опыт свободы духа в вере, в любви к людям, к родной земле. «Русская литература с XIX века особенно расцвела и украсилась художественно и чувственно, отыскала для выговаривания невыговариваемого слова тончайшей выразительности, но осталась продолжением древнего отечественного летописания под первенством народописания... — говорит Распутин. — Мы будем ещё долго спорить, кто написал “Слово о полку Игореве”, но, найдись вдруг чудесным образом автор, мы бы, пожалуй, испытали разочарование, потому что он оказался бы излишней прибавкой к творению народному. Народной судьбой была Отечественная война 1812 года, описанная Толстым, народной судьбой была духовная Русь Достоевского. И чем гениальнее явились в них авторы, тем более они стали народными, *сотканными по-пчелиному* в ульях национального

духа (курсив мой. — А. Д.). Достоевский, Толстой, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Есенин велики Русью, которая выразила в них себя и которым вручила свои дары. Неверно рассматривать их в приближении или отдалении от России, они внутри, сотканы из её клеток» [5, 4]. Творческая личность Распутина сформирована этими же качествами — она «внутри» России, неотрывна от национально-самобытного образа жизни и мировосприятия. В обращении к народному характеру как исходной точке художественной характерологии выразилась принадлежность писателя к большому стилю, явленному в духовно наполненном слове. Распутин далёк от национальной замкнутости, от того, чтобы противопоставлять идею самобытности идею симфонического единства отечественной литературы с мировой культурой, её открытости перед большим миром. «Думаю, что мудрствовать особо над способами соотнесения локального и глобального в литературе не стоит, оно должно происходить само собой — от чувства человека и мира в писателе, оттого, насколько верно представляет он место мира в человеке и место и возможности человека в мире» [7, 479], — пишет Распутин в очерке «Вопросы, вопросы».

В принятии народного нравственно-эстетического идеала и заключается смысл ощущения писателем своей близости к национальной стихии. Забота о чистоте морального склада человека, умение «пробить сердце» читателя правдивостью, родственностью с народным веросознанием характеризуют Распутина как национального художника. И. И. Плеханова, называя тип творчества писателя исповедальным, проповедническим, так определяет творческое задание писателя, его прозы, публицистики, полузабытых ныне драматургических опытов: «Задача, стоящая перед Распутиным, невероятно сложна. Ему нужно *развернуть традицию, восходящую к идее русской “все-человечности” по Достоевскому, не меняя её христианской сути, — т. е. перенаправить вектор любви от всеотзывчивости к самозащите* (курсив И. Плехановой. — А. Д.)» [3, 264].

Распутин стяжал своим творчеством всенародное признание, утвердился в русской литературе на прочной художественно-эстетической основе. Через прикосновение к природной красоте, к метафизической силе жизни в его творчестве устанавливается единство земного и небесного, житейских и глубинных слоёв бытия. Продолжая традиции русской классической литературы, отечественного самосознания, Распутин направил своё художественное виденье-знание на изображение духовных начал народной души.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ванюков А. И. Метафизика национальной жизни в русской повести рубежа веков // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы. Сб. науч. трудов. Саратов, 2004. С. 62.
2. Курбатов В. Свидетель // Распутин В. Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. I. С. 17.
3. Плеханова И. И. Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 264.
4. Полякова Л. В. История русской литературы XX века: к методологии изучения // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Международной научной конференции: 16–17 ноября 2006 г. / Ред.-сост. С. И. Кормилов. М., 2006.

5. *Распутин В. Г.* Мой манифест // Наш современник. 1997. № 5.
6. *Распутин В. Г.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. III.
7. *Распутин В. Г.* «Твой сын, Россия, горячий брат наш...». О Василии Шукшине// В. Г. Распутин. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
8. *Семёнова С. Г.* Валентин Распутин. М., 1987. С. 174.

#### REFERENCES

1. *Vanjukov A. I.* Metafizika nacional'noj zhizni v russkoj povesti rubezha vekov [National life metaphysics in the Russian story of the turn of the centuries] // Mir Rossii v zerkale novejshej hudozhestvennoj literatury. Sb. nauch. trudov. Saratov, 2004. S. 62.
2. *Kurbatov V.* Svidetel' [The witness] // Rasputin V. Sobr. soch.: v 3 t. M., 1994. T. I. S. 17.
3. *Plehanova I. I.* Aleksandr Vampilov i Valentin Rasputin: dialog hudozhestvennyh sistem [Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: dialog of artistic systems]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2016. S. 264.
4. *Poljakova L. V.* Istorija russkoj literatury XX veka: k metodologii izuchenija [The history of Russian literature of the XX century: on the methodology of study] // Russkaja literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izuchenija: Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: 16–17 nojabrja 2006 g. / Red.-sost. S. I. Kormilov. M., 2006.
5. *Rasputin V. G.* Moj manifest [My manifesto] // Nash sovremennik. 1997. № 5.
6. *Rasputin V. G.* Sobr. soch.: v 3 t. [Complete works in 3 vols.] M., 1994. T. III.
7. *Rasputin V. G.* «Твой сын, Россия, горячий брат наш...». О Василии Шукшине [«Your son, Russia, our hot-blooded brother...». About Vasily Shukshin] // V. G. Rasputin. V poiskah berega: Povest', ocherki, stat'i, vystuplenija, jesse. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007.
8. *Semjonova S. G.* Valentin Rasputin [Valentin Rasputin]. M., 1987. S. 174.